

БОЖІА ПИВА

СЕ ИЗЫДЕ СЪМЪИ ДА СЪЕТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КОМЪИ
НЕБРАНИ
ТЕ ИМЪ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЪ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО.

Троицкій Собесѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

ЛОЖНЫЙ СТЫДЪ, КАКЪ ПРИЧИНА УМСТВЕННАГО И МАТЕРІАЛЬНАГО ВОСКУДѢНІА.

Кто заглядывалъ въ тайники своего сердца, тотъ обязательно замѣчалъ, что тамъ, въ самой глубинѣ души, среди многихъ желаній и сокровенныхъ думъ, какъ то особенно выдѣляются жажда счастья и несокрушимое рвеніе къ духовному и матеріальному довольству. Наблюдая за жизнью, невольно замѣчаешь, что счастье, понимаемое въ смыслѣ духовнаго и матеріальнаго довольства, всѣми и всюду

отыскивается. Многіе въ жизни ни на чемъ такъ не сосредоточиваются, какъ на стремленіи къ счастью, въ указанномъ смыслѣ. Да что говорить объ отдѣльныхъ личностяхъ. Берите для наблюденія цѣлыя страны и государства...

Стремленіе къ счастью, довольству, можетъ быть весьма благородно. Подобный трудъ заслуживаетъ особеннаго вниманія и напряженія силъ.

Жаль только, что съ такимъ возвышеннымъ рвеніемъ почти всегда одновременно уживается въ человѣческомъ сердцѣ и непримиримый врагъ возвышенныхъ порывовъ. Въ данномъ случаѣ мы разумѣемъ чувство ложнаго стыда. Въдъ при внимательномъ наблюденіи за внутреннею жизнью человѣка приходится сознаться, что чувство ложнаго стыда свило весьма прочное гнѣздо въ сердцахъ современнаго человѣчества. На самомъ дѣлѣ, кто нынѣ не рабъ ложнаго стыда?

Вотъ вамъ ученическое общежитіе при второклассной церковно-приходской школѣ. Въ пять часовъ вечера мальчики собрались въ классъ на вечернія занятія.

— Гдѣ Трофимовъ? спрашиваетъ учитель дежурнаго ученика по классу.

— Въ столярной долбить.

— Почему же не въ классѣ онъ занимается? — предварительно сдѣлавъ замѣчаніе по поводу выраженія „долбить“, спросилъ Александръ Степанычъ.

— Говорить, мы ему учить мѣшаемъ, — отвѣчаетъ съ улыбкой одинъ изъ мальчиковъ.

— Надъ нимъ все смѣются, его все зубрилой называютъ, а онъ это не любить, поясняетъ дежурный.

— Кто надъ нимъ смѣется?

— Семеновъ Михаилъ.

— А самъ ты, Семеновъ, началъ готовить уроки?

— Нѣтъ, я еще послѣ перемѣны успѣю выучить, бойко отвѣчаетъ мальчикъ.

— Необходимо послѣ перваго звонка приступать къ урокамъ, а если останется свободное время, то и постороннимъ дѣломъ можно заняться.

— Онъ боится и его зубрилой прозвать, отвѣтилъ сосѣдъ Семенова.

Чувство ложнаго стыда, какъ видно

изъ приведеннаго примѣра, не только что поселилось въ сердцѣ мальчика, но оно уже успѣло сдѣлать его своимъ покорнымъ рабомъ. Мало того, что Семеновъ изъ боязни быть прозваннымъ зубрилой намѣренно бездѣльничаетъ, онъ еще и благоразумнаго, честнаго труженика порицаетъ, онъ пытается поселить чувство ложнаго стыда и въ сердцѣ своего товарища. Берите для пробы среднее учебное заведеніе и тамъ тоже самое. Кто не знаетъ о добровольномъ раздѣленіи въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ учащихся на „зубриль“ и „незубриль“ или „долбилъ“ и „недолбилъ“? И все это происходитъ по требованію чувства ложнаго стыда. Ученики даровитые положительно считаютъ неловкимъ честно работать, какъ будто разумный трудъ не развиваетъ Богомъ данныя способности, а убиваетъ. У насъ въ обыкновеніе вошло по поводу даровитыхъ бездѣльниковъ, если они не учатъ уроки, говорить: „чтожъ! онъ даровитый, онъ въ одинъ часъ все приготовить изъ заданнаго“, какъ будто хорошія умственныя способности даютъ право на пустое времяпровожденіе. Въдъ всѣ поступаютъ въ учебныя заведенія затѣмъ, чтобы приобрѣсти вмѣстѣ съ воспитаніемъ побольше познаній, быть, такъ сказать, если не учеными, то хотя нѣсколько обученными и черезъ то имѣть право на счастливую жизнь. Къ сожалѣнію, у многихъ учащихся всѣ благіе порывы почти до корня вытравляются чувствомъ ложнаго стыда.

Знали мы одного весьма даровитаго юношу. Онъ, бывало, при самомъ поверхностномъ просмотрѣ урока превосходно отвѣчалъ учителямъ. Принадлежалъ онъ среди своихъ товарищей, конечно, къ партіи „недолбилъ“. До самаго четвертаго класса семина-

ри онъ никогда не принуждалъ себя усидчиво заниматься прямыми своими ученическими обязанностями. Но вотъ приходятъ экзамены; на подготовку было дано по самымъ труднымъ предметамъ не болѣе двухъ дней. Въ такой короткій срокъ пройти, какъ слѣдуетъ, программу, нечитавшимъ ее во время цѣлаго года, не было никакой возможности. Знаменитый „недолбила“ выходитъ на экзамень, беретъ билетъ. По самомъ краткомъ размышленіи, онъ убѣждается, что изъ относящагося къ дѣлу ничего не можетъ сказать, но, не теряя обычной храбрости, начинаетъ говорить, какъ принято выражаться о „недолбилахъ“, отъ ума. Однако знаменитое умствование экзаменаторами было найдено совершенно непригоднымъ. Потерпѣвшій неудачу, просить позволить перемѣнить билетъ. Изъ снисхожденія къ блестящимъ способностямъ храбреца, экзаменаторы соглашаются. Но и въ данный разъ не послѣдовало ожидаемаго ослѣненія. Экзаменаціонная коммисія съ немалымъ удивленіемъ, а больше съ сожалѣніемъ поставила „недолбилъ“ двойку. Приходить второй экзамень, снова полнѣйшая неудача. Знаменитаго недолбилу оставляютъ на повторительный курсъ. Но ложный стыдъ проникъ уже до мозга костей юноши и онъ находитъ наилучшимъ совсѣмъ оставить семинарію.

Наконецъ, храбрецъ поступаетъ въ гимназію, но и здѣсь ему стыдно было взяться за дѣло, а безъ положительныхъ, твердыхъ знаній при однихъ только природныхъ способностяхъ не было никакой возможности продолжать образование.

Не желая побороть чувство ложнаго стыда, N поступаетъ въ военную службу. Но и на этомъ пути не суждено ему было при однихъ только способ-

ностяхъ преодолѣть все камни преткновенія.

Вотъ каковы плоды чувства ложнаго стыда.

Случайно пришлось намъ попасть въ комнату трехъ студентовъ университета. Сразу почему то заговорили о наукахъ вообще. Любезные молодые люди постѣшили познакомить меня съ предметами своихъ курсовъ. Особенно разговорчивъ былъ первокурсникъ: онъ авторитетнымъ тономъ говорилъ особенно много о естественныхъ наукахъ. Я полюбопытствовалъ посмотрѣть учебники по даннымъ отраслямъ знанія. Мнѣ показали зоологію съ ботаникой, очевидно желая намекнуть мнѣ, какими важными науками они занимаются и какъ все это скоро и легко усваивается учащимися. Поданная мнѣ книга оказалась весьма объемистой, верхка въ полтора толщины, но совершенно неразрѣзанная, хотя шла уже вторая треть учебнаго года.

— Когда же вы будете читать все это?—спрашиваю собесѣдника.

— Къ экзамену то еще посмотрю.

— Все у васъ такъ къ дѣлу относится?

— Нѣтъ, есть и зубрилы.

Какъ видно, зубрилы и незубрилы существуютъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Ложный стыдъ не пощадилъ людей и съ высшимъ образованіемъ. Послѣ всего сказаннаго, судите, насколько вреденъ для насъ ложный стыдъ? Можно ли при ложномъ стыдѣ приобрѣтать полныя и точныя знанія? Нѣтъ и нѣтъ. Вотъ почему у насъ замѣтно умственное оскудѣніе; вотъ гдѣ причина того, что люди съ поверхностнымъ образованіемъ не испытываютъ умственнаго удовлетворенія; вотъ почему, къ слову сказать, встрѣчаются у насъ врачи по познаніямъ

ниже фельдшеровъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: быть рабочимъ человѣкомъ намъ до боли стыдно. У насъ открыто ничегонедѣланіемъ похваляются, даже ничегонедѣланіе вмѣняютъ себѣ въ заслугу.

Вотъ вамъ квартира учителя начальной школы.

— Можно вамъ, Григорій Степанычъ, помѣшать, входя къ учителю говорить гость.

— По... мѣшать, съ обидой повторяетъ хозяинъ дома, да я ничего не дѣлаю.

— У васъ книги на столѣ, надо полагать, вы къ завтрашнимъ урокамъ готовились?

— О, нѣтъ, чего тамъ готовится, мнѣ давно уже вся программа извѣстна.

Дѣйствительно, хозяинъ дома просматривалъ уроки къ слѣдующему дню, но признаться въ этомъ не рѣшился, потому что на трудъ, имѣющій отношеніе къ его профессіи, Григорій Степанычъ привыкъ смотрѣть, какъ на что то преступное.

До чего только ложный стыдъ не доводитъ людей! Иногда изъ-за ложнаго стыда люди на всю жизнь остаются совершенными нравственными уродами. Человѣка мучить вопросъ о Богѣ, нравственномъ законѣ. Желая удовлетворить своему любопытству, изыскатель начинаетъ читать одну только свѣтскую литературу, приступаетъ къ изученію философіи; что же касается Библии и вообще духовной литературы, то эта область по тому же чувству ложнаго стыда совершенно игнорируется.

Въ одномъ домѣ собрался, какъ сейчасъ помню, интеллигентный кружокъ. Хозяинъ дома возбуждаетъ вопросъ о молитвѣ. Одни говорятъ, что молитва совершенно не нужна, другіе—что въ молитвѣ нельзя находить никакого

утѣшенія, третьи жалуются на невозможность сосредоточивать себя на молитвенномъ упражненіи. Когда же однимъ изъ присутствующихъ для разрѣшенія всѣхъ сомнѣній предложено было почитать о молитвѣ въ духовной литературѣ, прослѣдить, какъ святые отцы наслаждались и что дѣлали силою молитвы, то всѣ интеллигенты единогласно высказались, что де свѣтскимъ людямъ неприлично читать житія святыхъ, что де это дѣло только однихъ монаховъ.

Нѣтъ, ничто насъ такъ въ жизни не унижаетъ, ничто такъ не уродуетъ, какъ ложный стыдъ. Одинъ изъ-за стыда на всю жизнь остается недоучкой, другой—безбожникомъ, третій,—не потрудившись надлежащимъ образомъ надъ изученіемъ жизни, принужденъ съ постояннымъ внутреннимъ недовольствомъ самимъ собою и всѣмъ окружающимъ всю жизнь прозябать.

Если поразительны результаты ложнаго стыда съ духовной точки зрѣнія, то съ матеріальной—они прямо таки баснословны.

Идетъ праздникъ Пасхи. Въ поляхъ у крестьянъ озимые всходы плохіе, по всѣмъ признакамъ долженъ быть недородъ хлѣба. На заработки въ отхожихъ промыслахъ то же нѣтъ основанія рассчитывать. Несомнѣнно, очень и очень многимъ неизбѣжно предстать голодать.

— Дядя Трофимъ, ты не забудь навѣстить меня. У меня сегодня съ иконами были... заходи, поднесу маленькую.

— Зайду, зайду, Егорушка!—отвѣчаетъ Трофимъ Егору.

Начинается разговоръ о хозяйствѣ, посѣвахъ.

— Да, въ полѣ то нынѣ плоховато, почесывая затылокъ, говоритъ Трофимъ.

— Ну, да какъ нибудь справимся, не первый годъ на свѣтѣ живемъ, достатки то у насъ всегда одни, а потому пока будемъ выпивать, отвѣчаетъ Егоръ.

— Я къ празднику сѣнца продалъ, надо бы своей скотинкѣ оставить, да ничего не подѣлаешь, денегъ то со-всѣмъ нѣтъ. Думаю, лошадь съ коровой до выгона въ поле какъ нибудь старой соломкой прокормить.

— У меня было три овечки, одну продалъ, хотя и жаль, а ничего не подѣлаешь, праздникъ пришелъ, никакъ нельзя безъ вина обойтись. Ерохины празднуютъ, Карпухины вина покупали. И мы не хуже людей.. пус-кай православные знаютъ, что и у насъ достатокъ есть.

Егоръ съ Трофимомъ никакъ не могутъ побороть свой ложный стыдъ, для нихъ легче продать послѣднее имущество, лишь бы только не услышать намека на свою матеріальную несостоятельность.

Идетъ поселкомъ староста съ барскаго двора.

— Эй вы, братцы, завтра на поденную къ намъ приходите, кричить по улицѣ староста всѣмъ встрѣчающимся.

— А цѣна какая? спрашиваетъ сидящій у разваленнаго дома мужичекъ.

— Обыкновенная — мужику семьдесятъ пять копѣекъ, бабѣ — полтинникъ.

Мужичекъ, ничего не отвѣчая, закуриваетъ трубку.

— Пойдешь, дядя Дементій, на работу? спрашиваетъ дядю Дементія сосѣдъ.

— Нѣтъ, не пойду, мнѣ стыдно за такую цѣну работать. Вотъ, скажутъ, до чего Демка то дошелъ, что за безцѣнокъ сталъ работать.

— Мой отецъ думаетъ идти, отвѣчаетъ сосѣдъ.

— Стыда у твоего отца нѣтъ. Вонъ ребята сказываютъ, въ Москвѣ бабѣ рубль въ день платятъ, затыгиваясь

табакомъ, отвѣчаетъ дядя Дементій въ ожиданіи цѣннаго заработка.

И сидитъ дядя Дементій безъ всякаго дѣла, отдаваясь чувству ложнаго стыда, цѣлые годы въ разваленной, часто нетопленной, своей хатѣ.

Посмотрите съ той же точки зрѣнія на матеріальное благосостояніе нашего дворянства. Отъ какой причины наше дворянство въ шестидесятыхъ годахъ такъ быстро матеріально оскудѣло? Ложный стыдъ довелъ многихъ дворянъ до нищеты. Издавна наше дворянство привыкло жить, какъ говорится, на широкую ногу, жить съ сотнями прислугъ, жить при удовлетвореніи малѣйшихъ прихотей. Но вотъ приходитъ время значительныхъ урѣзокъ или полнаго уничтоженія жизненныхъ удобствъ. Слѣдовало бы, по требованію здраваго смысла, примирившись съ своимъ положеніемъ, нетолжно браться за какой либо трудъ. Но нѣтъ, многимъ не хотѣлось оставить привычный образъ жизни и они рѣшаютъ продавать послѣдніе клоки, лишь бы только до поры до времени не казаться несостоятельными.

Очень и очень глубоко вѣлася въ человѣческую натуру привычка казаться не тѣмъ, чѣмъ мы бываемъ на самомъ дѣлѣ. Развѣ мало примѣровъ, когда люди, изъ желанія казаться богатыми, платятъ по три рубля извозчику за одну четверть версты провоза отъ вокзала до гостиницы!.. Кто не знаетъ примѣровъ, когда по пяти рублей даютъ на чай швейцарамъ не особенно состоятельные люди за встрѣчу у параднаго крыльца? И все это у насъ дѣлается не изъ вѣжливости, а изъ ложнаго тщеславія, допускается все это подъ видомъ поддержанія своего престижа.

Сколько людей при господствѣ въ сердцѣ чувства ложнаго стыда прожи-

вають весь свой зароботокъ совершенно непроизводительно? Сколько людей по тѣмъ же самымъ причинамъ лишаютъ возможности своихъ родныхъ дѣтей получить какое либо образованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средства къ жизни?

На что, на что только люди не бросаются по требованію чувства ложнаго стыда!

Одна молодая особа имѣла дипломъ учительницы кройки. Матеріально она была положительно несостоятельной. Но унывать, кажется, особенно нечего бы. У нея есть спеціальныя знанія, а при помощи ихъ можно бы сравнительно безбѣдно существовать. Но какъ нарочно, она проникается чувствомъ стыда къ своей спеціальности. Подъ влияніемъ такого настроенія она рѣшается добиться званія учительницы начальной школы. Нѣтъ словъ, что желаніе хорошее. Но дѣло въ томъ, что N обрекаетъ себя на продолжительное голоданіе, скитаніе по роднымъ и знакомымъ, тогда какъ, поборовъ ложный стыдъ, можно было бы собственнымъ непопречнымъ трудомъ добывать небольшія средства къ жизни и въ то же время готовиться на званіе учительницы.

Ложный стыдъ часто доводитъ людей прямо таки до смѣшного. Одинъ почтеннѣйшій старичекъ передавалъ намъ такой фактъ.

Въ домѣ было два брата, а холодные сапоги одни. Приходитъ масленица, всѣ ѣдутъ кататься. Собрались на прогулку и братья. Но такъ какъ на катаніе въ деревняхъ принято наряжаться, то братцы рѣшили надѣть на свои ноги по одному кожанному сапогу, и именно на тѣ ноги, которыя приходились на наружныя стороны саней, а на другихъ ногахъ были сапоги теплые.

Фактъ наивный, но онъ довольно

сильно характеризуетъ нашу боязнь ложнаго стыда. Указаннымъ братьямъ ничего не можетъ быть дороже, какъ быть признанными богатыми.

На что рассчитаны нынѣ всѣ модныя мастерскія и магазины, какъ не на ложный стыдъ людей? Если бы мы не были одержимы чувствомъ ложнаго стыда, развѣ бы мы позволили себѣ гнаться за какой то модой въ ущербъ собственному благосостоянію?!.. Не больно, если ложному стыду отдаются люди состоятельные, но необыкновенно жаль, когда указанному уродливому чувству подчиняются и люди бѣдные. Къ слову сказать, что можетъ быть хорошаго съ нашими второклассниками и второклассницами, если и они окажутся рабами ложнаго стыда? Вообще учителя начальныхъ школъ зароботокъ имѣютъ самый скромный и при такомъ положеніи имъ всѣми мѣрами необходимо изгонять изъ сердца даже малѣйшіе проблески ложнаго стыда. Если влечетъ кого къ модному костюму, отвращайся отъ него и надѣвай обыкновенный, недорогой костюмъ. Если стыдъ оттягиваетъ отъ простой сельской работы, опять съ упорствомъ, ни на что, ни на кого не обращая вниманія, паши, коси въ полѣ, заработывай лишній грошъ въ добавокъ къ своему скромному учительскому вознагражденію и будешь счастливъ и доволенъ. А главное, увеличивая свой достатокъ личнымъ трудомъ, мы вмѣстѣ съ этимъ и дѣтямъ дадимъ живой примѣръ трудолюбивой жизни, примѣръ постоянной готовности заполнить досужее время посильной работой. А вмѣстѣ съ этимъ дѣтской душѣ естественно прививается добрая мысль, что честный трудъ не принижаетъ, а возвышаетъ достоинства человѣка и даетъ ему безбѣдную жизнь...

Свящ. *Іоаннъ Молебновъ.*

Изъ учительскихъ дневниковъ.

На скромномъ поприщѣ.

(Замѣтки и впечатлѣнія учителя церковно-приходской школы).

„Мужайся, не слабѣй измученной душою

Передъ работою земною...

Ей исполинскій видъ даетъ твоя мечта.

Коснися облака безтрепетной рукою:

Изчезнетъ и за нимъ опять передъ тобою

Обители духовъ откроются врата“...

Изъ книги „Сельская школа“ (А. Рачинскаго).

Было чудное весеннее утро. Солнце еще не успѣло накалить жгучими лучами пыльные улицы с. Ч—ва, а съ цвѣтущихъ полей тянулъ освѣжающій и бодрящій вѣтерокъ. Въ воздухъ распространялся аромать только что распустившейся сирени и бѣлыхъ акацій... Невольно манило пойти въ лѣсъ, почитать книжку подъ душистою зеленью деревьевъ, на мягкой сочной травкѣ, послушать жужжаніе пчелъ, веселое пѣніе птичекъ...

Сегодня конецъ экзаменамъ... Въ послѣдній разъ я съ волнующей тревогой подошелъ къ экзаменаторскому столу и отвѣчалъ изъ географіи... Получивъ удовлетворительный баллъ, я вздохнулъ всей грудью, и радость, молодая радость широкимъ потокомъ хлынула мнѣ въ душу. „Теперь я уже имѣю право учительства въ родной церковной школѣ!“—повторялъ я себѣ, и мысленно горячо возблагодарилъ Господа за благополучный исходъ экзаменовъ. Признаюсь: въ теченіе года я немножко полѣнчивался и много пропустилъ, особенно по математикѣ, которую я вообще не долюбиваю, такъ что при повтореніи всего пройденнаго пришлось напрягать память до послѣдней степени... Слава Богу! Знаю только одно: школа научила меня христіанскому самовоспитанію и самообразова-

нію, и я никогда не оставляю работать надъ своимъ внутреннимъ „я“. Кромѣ того: школа внушила мнѣ горячую любовь къ родной церковной школѣ, дала мнѣ ясное пониманіе ея великой просвѣтительной задачи на нивѣ Божіей, и я съ восторгомъ и нетерпѣніемъ ждалъ свидѣтельства, которое давало мнѣ право на занятіе должности сельскаго учителя...

Послѣ экзамена былъ молебенъ, на которомъ о. предсѣдателемъ Уѣзднаго отдѣленія произнесено было живое и прочувствованное слово, многихъ до слезъ растрогавшее; затѣмъ мы возвратились въ свое школьное общежитіе. Большинство товарищей были въ числѣ „выпущенныхъ“, и на всѣхъ лицахъ виднѣлась радость. Кто пѣлъ, кто развивалъ свои молодые планы на будущее, кто укладывалъ вещи, чтобы сегодня же обрадовать родныхъ желанною вѣстью...

Вдругъ все стихло: къ намъ вошелъ учитель Н. Долго и сердечно бесѣдовалъ онъ съ нами о нашихъ будущихъ занятіяхъ и обязанностяхъ, ободрялъ насъ, напоминая обо всемъ хорошемъ, чистомъ, добромъ, что дала намъ школа и что мы должны были провести въ жизнь... Было уже далеко за полночь, а въ общежитіи еще не спали... Помолвившись въ послѣдній

разъ всей школьной семьей, мы долго еще бесѣдовали при лунномъ блескѣ, лившемся въ окна общежитія, и только подъ утро я уснулъ...

Чуть занялась заря, а уже всѣ были на ногахъ, готовые къ отъѣзду. Опять зашелъ въ общежитіе учитель Н. Пришли и другіе учителя. Помолвившись, мы простились съ дорогими наставниками, и со щемящею грустью въ сердцѣ стали укладываться въ путь.

— „Прощайте, дѣтки!“ — говорилъ намъ учитель Н., когда мы усѣлись на подводы. — „Не забывайте того, чему я училъ васъ. Лучшей моей отрадой и гордостью будетъ ваша самоотверженная, живая дѣятельность въ родной церковной школѣ, подъ любящимъ крылышкомъ св. матери — Церкви... Не забывайте же своего учителя и друга!.. Пишите!“...

Мы разстались... Отъѣхавъ отъ Ч—ва съ версту, я оглянулся назадъ. Село потонуло въ садахъ, только золоченый крестъ церкви ярко блисталъ, купаясь въ роскошныхъ лучахъ весенняго солнца... Привставъ, мы набожно перекрестились на виднѣвшійся вдали крестъ — святой якорь нашей вѣры, и поѣхали дальше...

Прошло лѣто. Незамѣтно подкралась осень. Стояли теплые и ясные, точно хрустальные, сентябрьскіе дни. Въ одинъ изъ такихъ дней я получилъ билетъ, которымъ отдѣленіе Совѣта извѣщало меня, что я назначенъ учителемъ въ д. Аютино, Ольгопольскаго уѣзда, въ школу грамоты... Церкви нѣтъ... Одна маленькая школка въ деревнѣ... Ѣхать или нѣтъ?.. Такіе вопросы такъ и тѣснились у меня въ душѣ, вызывали сомнѣнія и колебанія... Вечеромъ мнѣ случайно попался въ руки мой школьный дневникъ. На страницѣ 13-й, подъ 17-мъ марта, я прочелъ слѣдующее: „Не гоняйтесь за

большимъ, но знайте, что и малое дѣло требуетъ аккуратности и добросовѣстности; знайте, что и въ небольшой школкѣ можно сдѣлать многое... Вспомните Рачинскаго: къ какимъ школамъ больше лежала его душа? — не къ малымъ ли?“

Этотъ, когда-то наскоро записанный мною отрывокъ изъ классной бесѣды, отрезвилъ меня, напомнивъ все то, чѣмъ жила душа моя въ школѣ, и я рѣшилъ завтра же ѣхать на мѣсто назначенія. — „Церковно-приходскую школу успѣю получить и послѣ, когда выдержу установленный экзаменъ на званіе учителя, — утѣшалъ я самъ себя: — а теперь не грѣхъ поработать и въ маленькой школѣ“...

Всю ночь почти я не спалъ. Меня беспокоила моя неопытность, неумѣлость, и я чувствовалъ жуткое безпокойство отъ мысли, что вмѣсто пользы я могу принести одинъ только вредъ „малымъ симъ“... Я взялъ Евангеліе, прочелъ благоговѣнно нѣсколько страницъ, и мнѣ стало легче: я мирно уснулъ... Рано утромъ, бодрый и оживленный, я весело простился съ родными, и, напутствуемый ихъ благословеніями и наставленіями, быстро вскочилъ на телѣгу и двинулся въ путь... Было жутко и весело... „Вотъ она — жизнь!“ — думалъ я, взглядываясь вдаль. — Жизнь — со всѣми ея радостями и невзгодами!.. Благослови, Господи, мой утлый челнокъ! Не дай завязнуть въ тинѣ и пошлости, согрѣй сердце, озари умъ свѣтомъ божественныхъ словесъ Твоихъ, помоги доблестно и честно послужить Церкви Божіей и родной церковной школѣ. Съ Богомъ — въ путь!“... Солнце лишь чуть-чуть позолотило востокъ. Въ воздухѣ было прохладно, и надъ рѣчкой, протекающей черезъ родное село, стоялъ еще туманъ. Рыбакъ въ челнокѣ

казался какимъ-то загадочнымъ существомъ... Взмахивая длиннымъ „храпачкомъ“, и дѣлая движенія руками и всѣмъ корпусомъ, онъ старался спугнуть рыбу и загнать ее въ предательски разложенныя сѣти... Крестьяне спѣшили на поля—убирать кукурузу... Я чувствовалъ себя молоденькимъ птенцомъ, едва лишь вылетѣвшимъ изъ родимаго гнѣздышка, и это мнѣ было и жутко, и пріятно... Пошли поля и рощи, зажелтѣли выжатая нивы, со стадами пасущихся на нихъ коровъ, овецъ и гусей, звонкіе крики которыхъ далеко разносились по полю... Все—милая, съ дѣтства знакомья мѣста! Потомъ потянулись баштаны съ соломенными куренями и съ сѣдовлаемыми дѣдами—сторожами. Повернувъ еще два-три раза, мы въѣхали въ мѣстечко Чечальникъ. Несмотря на то, что еще было раннее утро, гуль стоялъ уже надъ мѣстечкомъ: былъ базарный день... Сдѣлавъ кое-какіе покупки, я поѣхалъ въ Анютино, расположенное въ 3-хъ верстахъ отъ м. Чечальника.

— А онде вотъ кацапъ йіде!—сказалъ мнѣ подводчикъ Кондрать, указывая кнутомъ на крестьянина, спѣшившаго на ярмарку.—Туть уси кацапы 1)...

Я пристально и съ любопытствомъ взглянулъ въ лицо подѣзжавшаго къ намъ крестьянина.

— Здравствуй, русскій!—радушно окликнулъ его Кондрать.—А далеко ище до Анютина?

— А тебѣ зачѣмъ?

— А вотъ—везу вамъ учителя!..

— Учителя?..—протянулъ пренебрежительно крестьянинъ, оглядывая меня какими-то странными, полувнимательными, полуравнодушными глаза-

ми.—Что же—вези себѣ... Я спросилъ: „хороша ли школа у нихъ и есть ли помѣщеніе для учителя?“

— Да зачѣмъ тебѣ школа, когда дѣтей всего душъ 20, не больше... На школу снимаютъ избушку у моего посаженаго отца, а учителемъ мой кумъ, почище тебя будетъ!..

„Хорошее начало!—думалъ я, глядя вслѣдъ удалявшемуся крестьянину.— Неужто и всѣ его однопоросенцы встрѣтятъ меня точно такимъ-же образомъ?“...

Наконецъ, показалась и деревня. Мы въѣхали на площадь, и затѣмъ покатили по чисто выметенной улицѣ. Послѣ я узналъ что назавтра ожидается батюшка въ школу, оттого и подметено...

— Гдѣ живетъ сельскій староста?—спросилъ я бабу, полоскавшую бѣлье у колодца.

— А вотъ здѣсь!—И баба указала на довольно зажиточный дворъ по правой сторонѣ улицы.

Я соскочилъ съ телѣги и пошелъ въ ворота.

Староста былъ человекъ пожилой, съ добрымъ и открытымъ лицомъ...

Я назвалъ себя.

— А! Вы—новый учитель?—съ оживленнымъ сочувствіемъ воскликнулъ староста.—То-то въ нашей деревнѣ все слухи носились, что будетъ новый учитель... Вотъ оно и взаправду... Ну, милости прошу въ хату!..

— Эй, баба!—кликнулъ хозяинъ,—Богъ послалъ намъ гостя—учителя.

— Ай, ай,—какой молоденькій!—причитала хозяйка, разсмотрѣвъ меня со всѣхъ сторонъ.—Тебя наши ребята и слухать не будутъ...

— Ну, это увидимъ послѣ!—политично замѣтилъ староста.—Ты лучше вотъ поставь намъ самоваръ, а мы съ учителемъ пойдемъ въ школу...

1) Въ д. Анютино живутъ православные переселенцы изъ Владимірской губ.

Школа помѣщалась невдалекѣ. Это была дряхлая и низенькая крестьянская избушка, съ четырьмя небольшими оконцами, съ заросшей мхомъ крышей. Мы вошли въ сѣнцы. Дверь жалобно скрипнула и съ шумомъ затворилась вслѣдъ за нами. Пахло плѣсенью и еще чѣмъ-то промозглымъ... Обшарканная и полуразрушенная печка сиротливо пріютилась въ уголкѣ класса. Нѣсколько иконъ и небольшой столикъ у передней стѣны, стулъ безъ одной ножки, шесть некрашенныхъ приземистыхъ скамеекъ, убогій шкафикъ въ углу да нѣсколько картинъ по Священной Исторіи на стѣнкѣ—вотъ и все убранство класса... Долго стоялъ я въ грустномъ раздумьи посреди класса... Староста вывелъ меня изъ задумчивости...

— Пойдемъ чай пить... Авось—Богъ дастъ,—и устроимся!..

— Батюшка у насъ добрый,—добавилъ староста дорогой.—Каждый разъ убѣждаетъ въ церкви построить школу... Да все нейдетъ... У насъ вѣдъ народъ какой-то... деревянный...

— Извини, милъ-человѣкъ,—сказалъ добрый хозяинъ, когда мы усѣлись за чаепитіе: водочки нѣтъ,—и угостить тебя на радостяхъ нечѣмъ...

— Я не пью... Спасибо...

— Ой-ли? и не курите?

— Нѣтъ.

— Ну, вотъ и прекрасно. Дальше отъ грѣха. А тутъ у насъ здорово водку лопаютъ, и папиросами балуются... Въ прошломъ году даже пожаръ черезъ это произошелъ... Нечистъ—и только...

Увлечшись бесѣдой съ умнымъ и радушнымъ крестьяниномъ, я забылъ свое впечатлѣніе отъ школьнаго помѣщенія и оживился. Разговоръ все время относился къ школѣ, и я съ увлеченіемъ развивалъ передъ старо-

стой планы своей будущей учительской дѣятельности.

— Вотъ, вотъ...—поддакивалъ мнѣ староста.—Это хорошо... Можетъ, дѣти хоть Богу-то научатся молиться... Да ариеметики побольше имъ показывайте: безъ ариеметики—пиши, что дуракъ,—закончилъ староста авторитетно.

Надъ селомъ начали спускаться сумерки. Было тихо. Влѣднѣй дискъ луны высоко плылъ надъ деревней, озаряя ее голубовато-серебристымъ свѣтомъ. Вѣтерокъ не шелохнулъ... Только гдѣ-то за деревней еще слышались пѣсни, и я ясно различалъ, какъ запѣвало выводилъ голосомъ меланхолически-тягучую, старинную пѣсню: „Ой, лежить козаченъко, у поли вбытый“... Пѣли паробки, возвращавшіеся домой послѣ работы на свекловичныхъ поляхъ...

Квартирою для учителя служила небольшая каморка, шага три въ длину и менѣе двухъ въ ширину. Въ углу, у печки, находилось нѣкое подобіе кровати; тутъ же стоялъ столъ и табуретъ. Въ углу виднѣлась икона Богоматери, а на стѣнѣ висѣла небольшая лампочка-коптѣлка... Староста пригласилъ меня къ себѣ переночевать. Долго я не спалъ въ эту ночь... Мысли и чувства, смутнымъ роємъ, толпились у меня въ душѣ, не давая сосредоточиться и проанализировать свое положеніе. Помолившись горячо Богу, я уснулъ...

На другой день, чуть утро, я былъ уже на ногахъ. Староста послалъ подводу за о. завѣдующимъ школой, а я, въ ожиданіи причта, отправился въ школу. Въ классѣ уже было около 15-ти малышей.

— Здравствуйте, дѣтки!—окликнулъ я дѣтвору.

— Здравствуйте и вы, господинъ учитель!—протяжно отвѣтили мальчу-

ганы, жадно впиваясь въ меня любопытными взглядами...

Стараясь произвести на нихъ возможно наилучшее впечатлѣніе, я заговорилъ съ ними такимъ дружескимъ тономъ:

— Умѣете вы пѣть?

— Какъ же!.. „Царю небесный“, „Отче нашъ“, „Достойно“—умѣемъ... И „Вѣрую“ поемъ...

Я спѣлъ съ ними нѣсколько пѣснопѣній... Я чувствовалъ себя отчасти не по себѣ... Что ни говори,—неловко чувствуетъ себя недавній ученикъ въ роли учителя, да еще въ церковной школѣ! Тутъ вѣдь дѣло не въ мертвой „учобѣ“, а въ чемъ-то высшемъ, лучшемъ, совершеннѣйшемъ, чего я пока и назвать-то не умѣю...

Въ 12 ч. дня пріѣхалъ о. завѣдующій школой. Я волновался не менѣе своихъ учениковъ.

Начался молебенъ. Чистые дѣтскіе голоса звонко раздавались въ классѣ. Казалось—сама школа повеселѣла и какъ-бы преобразилась отъ этого.

Послѣ молебна ученики и ихъ родители были окроплены святой водой. Затѣмъ о. завѣдующій сказалъ краткое поученіе, въ концѣ коего обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: „надѣюсь, что вы, г. учитель, будете моимъ добрымъ помощникомъ по школѣ... Будьте терпѣливы и снисходительны къ „малымъ симъ“... А вы, дѣтки, слушайте своего новаго учителя. Самъ Господь посылаетъ его вамъ для вашей-же пользы... Учитесь-же и выкайте ко всему доброму,—и Богъ васъ благословитъ“...

Я общалъ трудиться по совѣсти. Занявшись часокъ съ малышами по Закону Божію, о. завѣдующій уѣхалъ. И вотъ съ этого дня начался мой краткій дневникъ, но дневникъ по днямъ, а не по числамъ....

На слѣдующій день я началъ правильныя занятія. Этотъ день прошелъ для меня не замѣтно. Ученики ровно ничего не знаютъ. Вторая группа едва мараетъ буквы на грифельной доскѣ... Съ первой группой занятія идутъ спорѣе: ихъ не надо *перечувствовать*... Занятія веду по звуковому способу, какъ наиболѣе удобному для учителя... Пособіемъ служить мнѣ Методика Тихомирова... Бѣда вотъ—нѣтъ классной доски для занятій по арифметикѣ... Приходится прибавать аспидную доску къ стѣнѣ—и выходитъ классная доска...

Сегодня воскресенье. Еще вчера я сказалъ, чтобы всѣ ученики собрались около моей квартиры, и мы отсюда пойдѣмъ въ церковь. Собралось душъ 30 учениковъ и неучениковъ. Выстроились въ ряды по два и двинулись въ путь. Дорогой я объяснялъ дѣтямъ, какой сегодня праздникъ, почему и для чего Св. Церковь установила этотъ праздникъ (было Воздвиженіе Честнаго и Животворящаго Креста Господня)... Прійдя въ церковь (до приходскаго храма было верстъ 7), я выстроилъ своихъ малышей около клироса.—Началось богослуженіе... Я читалъ Апостолъ, и мои питомцы напряженно слѣдили за чтеніемъ... Послѣ церкви я раздѣлилъ всѣхъ учениковъ на подводы, которыя пріѣхали изъ Аютина, и мы покатили домой.

Староста пригласилъ меня къ себѣ на обѣдъ. Хозяинъ похвалилъ меня за чтеніе Апостола и выразилъ надежду, что и Аютинскіе ученики скоро будутъ принимать участіе въ чтеніи и пѣніи... Я, конечно, общалъ, сказавъ, что на это буду всегда обращать особенное вниманіе...

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ—долгій мѣсяцъ, полный самыхъ живыхъ и разнообразныхъ впечатлѣній... Занятія по-

двигаются впередъ, хотя вначалѣ и туго. Только одинъ изъ учениковъ, Митька Сергѣевъ, сильно доминаетъ меня своими драками съ товарищами и другими крупными шалостями... Посоветуюсь насчетъ него съ о. завѣдующимъ...

Въ деревнѣ оживленіе. Храмовой праздникъ—Покровъ Пресвятыя Богородицы. Сегодня въ 4 часа утра всѣ ученики снова собрались около моей квартиры. Степка, старшій изъ учениковъ, выстроилъ ихъ въ ряды, и, по его же командѣ, зашагали по дорогѣ. Дорогою, около „Куцой балки“, мы съли отдохнуть... Затѣмъ снова выстроились въ ряды, перекрестились и пропѣли тропарь Покрову Пресвятой Богородицы: „Днесъ, благовѣрніи людіе, свѣтло празднуемъ“... — Звонко разносилось это пѣніе на тихомъ просторѣ полей, въ заалѣвшемъ отъ лучей утреннемъ воздухѣ...

Чудная, святая минута!...

Въ церкви была масса народа. Я съ трудомъ провелъ своихъ малышей до клироса... Митька все шептался съ товарищами, но тѣ, сознавая важность минуты, спокойно отворачивались отъ него... Во время богослуженія я пѣлъ со своимъ новоустроеннымъ хоромъ, чередуясь съ мѣстными пѣвчими... Послѣ Богослуженія аютинцы торжественно отвезли насъ домой. Всѣ были рады и безъ конца хвалили насъ, чѣмъ я былъ очень недоволенъ, такъ какъ неумѣренныя похвалы вообще сильно портятъ дѣтей...

Послѣ Покрова у крестьянъ всѣ работы окончены. Аютинцы сидятъ безъ дѣла; только изрѣдка слышится стукъ цѣповъ въ „клуняхъ“. Въ воскресные и праздничные дни на улицахъ раздаются пьяные крики и идѣтъ гульбище... Меня занималъ вопросъ: откуда достаютъ они столько водки? Вѣдь

ближайшая винная лавка въ 7 верстахъ отъ деревни!.. Оказалось, что бабка „Ленька“ держитъ „тайную монополю“ и снабжаетъ этимъ зельемъ своихъ кліентовъ,—конечно, за приличное вознагражденіе въ видѣ крупныхъ процентовъ съ каждой бутылки...

Призадумался я надъ этимъ.—„Какъ бы отвлечь народъ отъ пьянства и отучить отъ праздности въ зимнее время?“ Въ теченіе цѣлой недѣли этотъ вопросъ неотступно стоялъ предо мной... Наконецъ, я рѣшилъ завести въ школѣ вечернія чтенія взрослымъ крестьянамъ, испросивъ на это надлежащее разрѣшеніе отъ о. завѣдывающаго школой...

На дворѣ слякоть. Цѣлый день мороситъ дождь... Не смотря на это, ученики посѣщаютъ школу аккуратно... Въ классѣ, во время занятій, почти темно, но ученіе идетъ весело, на всѣхъ паряхъ...

Сегодня въ деревнѣ есть погребеніе. Ждемъ о. завѣдующаго... Батюшка посидѣлъ въ классѣ часа два и долго отечески бесѣдовалъ съ малышами. Дѣти очень любятъ своего батюшку... Сидя въ сторонѣ, я замѣтилъ, что нѣкоторые украдкой цѣловали рясу батюшки... Сухой, жесткій человѣкъ не можетъ пользоваться такой любовью дѣтей!..

Совѣтовался съ батюшкой и относительно воскресныхъ чтеній въ школѣ. Вполнѣ одобрилъ и благословилъ. По окончаніи уроковъ я сказалъ ученикамъ, что завтра, по случаю осенней распутицы, въ церковь не пойдемъ, а помолимся у себя, въ школѣ, и кстати почитаемъ какую-либо душевспасительную книжку... Просилъ также пригласить отъ меня и родителей въ школу...

На другой день, чуть свѣтъ, я всталъ и пошелъ въ классъ. Тамъ сидѣли уже малыши и пѣли церковныя мо-

литвы. Когда всё ученики были въ сборѣ и пришло нѣсколько крестьянъ,—мы начали пѣть утреннія молитвы. Затѣмъ пропѣли „Слава въ вышнихъ Богу“ и „Хвалите имя Господне“ и я началъ чтеніе; передъ нимъ взрослые, вмѣстѣ съ учениками, пропѣли молитву—„Царю Небесный“.

Читалъ я по „Троицкимъ Листкамъ“ о крестныхъ страданіяхъ Господа нашего Иисуса Христа... Всѣ сосредоточенно молчали... Ученики уже проходили по книжкѣ о страданіяхъ Господа Спасителя, и я заставилъ ихъ повторить прочитанное... Крестьяне слушали съ напряженнымъ вниманіемъ и изрѣдка вздыхали... Затѣмъ я разсказалъ крестьянамъ о первыхъ гоненіяхъ на хрістіанъ въ Римской Имперіи. Разсказывалъ я довольно живо, ибо у меня были еще въ памяти многія страницы изъ недавно прочитанной книги—„Катакомбы“...

— Спасибо тебѣ, учитель!—сказалъ мнѣ староста послѣ чтенія.—Вижу—добру ты учишь нашихъ дѣтей, на Божій путь наводишь... Спасибо тебѣ!..

Надвигался вечеръ. Всѣ пропѣли молитву и разошлись по домамъ...

Не успѣлъ я и отдохнуть послѣ чтенія, какъ приходитъ ко мнѣ сотскій и проситъ пожаловать къ старостѣ.

— Мы вотъ тутъ держали совѣтъ за васъ,—началъ староста.

— Какой совѣтъ?

— А вотъ какой: у насъ прежде держали учителя отъ себя, платили ему по 60 коп. за душу и кормили его. Теперь вы, конечно, получаете тамъ жалованье; но ничего бы не мѣшало, если-бы мы и васъ покормили міромъ... Правду я говорю?—обратился онъ къ собравшимся въ его хатѣ мужикамъ.

— Вѣстимо, правду... Мы будемъ кормить учителя... Вотъ хоть-бы и съ меня начали?.. У меня ходитъ дѣвоч-

ка... Спасибо вамъ: добру научаете дитѣ,—не балуется...

— Что-же насчетъ чтенія,—продолжалъ староста,—то на будущее воскресенье жди насъ всѣмъ міромъ... Пятый десятокъ живу на свѣтѣ, а не слыхалъ *доподлинно* про страданія Спасителя и про мученія первыхъ хрістіанъ... Точно слѣпой ходилъ доселѣва!..

Я, конечно, съ радостью согласился. Идя домой, я сильно упрекалъ себя въ томъ, что не задумалъ этого раньше... Вѣдь народъ нашъ такъ жаждетъ спасительнаго слова!.. Просто непорочно было сидѣть сложа руки до этого времени!..

Незамѣтно подкралась волшебница зима. Вездѣ—сугробы. Холодно... Теперь школьныя занятія идутъ лучше. Я отчасти пожинаю уже плоды трудовъ своихъ: первогодники читаютъ уже молитвы по книжкѣ. Бѣда только: многіе ученики не имѣютъ во что одѣться, и по воскресеньямъ не ходятъ въ церковь... Грустно...

Слѣдующаго воскресенья послѣ описаннаго чтенія я ждалъ съ нетерпѣніемъ... Ученики все спрашиваютъ, приходитъ-ли „въ недѣлю“ на чтеніе?.. Въ субботу заходилъ самъ староста и просилъ опять почитать что-либо „божественное“... — „Пусть народъ прозрѣетъ“, — закончилъ онъ: — „свѣта Божьяго такъ мало у насъ!“...

Воскресенье. День выдался теплый и ясный. Снѣгъ сдѣлался рыхлый, но это не остановило насъ, и мы, по обычаю сходили въ приходскую церковь помолиться.—Было тяжело идти, но на счастье насъ догнали двѣ подводы изъ Аютина,—дядя Артемій и дядя Архипъ.—Садитесь!—крикнулъ намъ дядя Артемій.—Малыши, что мухи, облѣпили санки...—Митька, вѣчный шалунъ, и тутъ не удержался отъ проказъ. Сидя на санкахъ у дяди Архипа,

я то и дѣло поглядываль на переднія санки, гдѣ ерзаль руками Митька и откуда слышался ребячій хохоть... Я посадилъ Митьку возлѣ себя—и должное настроеніе мигомъ возстановилось.

— Въ церковь ѣдетъ, и „смѣшки“ ведеть,—укоризненно замѣтилъ сидѣвшій возлѣ меня Антоша Щосимовъ.

Такихъ „степенныхъ“ учениковъ у меня добрая половина, и они-то даютъ тонъ школѣ...

Изъ церкви, гдѣ мы участвовали въ чтеніи и пѣніи, возвратились часа въ два. Послѣ маленькаго отдыха, я поспѣшилъ въ классъ. Тамъ уже были сельскій староста и сотскій и топили въ печкѣ соломой... Но гдѣ взяли соломы?

— Принесли изъ села,—отвѣтствовалъ староста.—Школьныхъ дровъ не слѣдъ тратить,—на доброе дѣло найдется и у насъ топливо...

Классъ выметенъ и прибранъ. Печка натоплена. Слушатели уже ждуть, но я надѣюсь, что ихъ будетъ больше, и потому медлю... Наконецъ, „экзамены“, какъ староста называетъ наши чтенія, начались. Молитва была пропѣта нѣсколько разъ, чтобы затвердить получше... На этотъ разъ я читаль „О воплощеніи Бога Слова и о пришествіи Его къ намъ во плоти“—изъ христоматіи Невскаго.

Школа полна народа. Негдѣ яблоку упасть... Послѣ двухчасоваго чтенія сдѣлалось душно; потъ струями катился съ чела... Подъ конецъ чтенія лампа погасла...

— Господа!—обратился староста къ присутствующимъ.—У меня есть большая изба,—будетъ гдѣ помѣститься... Такъ вотъ что я вамъ посовѣтую: пусть будутъ „чтенія“ отселѣ у меня на дому... Отопленіе будемъ давать изъ села... Найдется и освѣщеніе.—Возьмемъ на

дѣло Божіе изъ общественныхъ денегъ рубля два...

Присутствующіе раздѣлились на двѣ партіи. Соломы никто не жалѣль, но на покупку керосину многіе не соглашались... Любителей „чтеній“ было, однако, больше,—и они восторжествовали...

— Еще слѣдовало-бы ассигновать частичку на лампадное масло,—сказаль Василій Самоновъ, человекъ религиозный и начитанный.—Пускай предъ иконой во время „божественнаго“ чтенія лампадка свѣтится... этакъ-то лучше будетъ... *душевнѣе*...

Но этотъ проэктъ пока не прошелъ... Самоновъ пособляетъ мнѣ немного во время „чтеній“... Но дальше буду готовить учениковъ къ чтенію: и мнѣ легче будетъ, и имъ будетъ польза...

Жаль только: мало у меня хорошихъ книжекъ, вполне доступныхъ пониманію народа. А вѣдь большинство моихъ почтенныхъ слушателей въ буквальномъ смыслѣ „темные“ люди, смиренно сознающіе эту темноту свою... „Не сподобилъ Господь снять пелену съ глазъ“,—горестно поясняютъ они, напряженно вслушиваясь въ „божественныя“ рѣчи...

На третье воскресенье въ просторной хатѣ старосты народа собралось вдвое больше противъ прошлаго воскресенья. Были и женщины, и дѣти— „Ну,—думаль я:—если и женщины одобрятъ наше начинаніе, то успѣхъ „чтеній“ обезпеченъ“...

Долго пѣли молитвы; потомъ Самоновъ читаль житіе св. Варвары... Всѣ слушали, вздыхая... Чтеніе произвело глубокое, потрясающее впечатлѣніе... Читали и ученики, но ихъ чтеніе не могло заслонить собою впечатлѣнія отъ чтенія Самонова... Долго сидѣли старики, задумавшись,—и потомъ тихо разошлись по домамъ...

Я чувствовалъ себя счастливымъ... Не могу подробно описать тогдашнее свое душевное состояніе, но мнѣ казалось, что у меня вырастаютъ сильныя, могучія крылья, и я вотъ-вотъ снимусь съ мѣста и помчусь въ ясную, сверкающую дивнымъ свѣтомъ и неизреченною, неземною красотою, даль... Какъ тепло, хорошо и полно!.. Хотѣлось обнять весь міръ, все благословить, все омыть радостной слезой, согрѣть горячимъ братскимъ чувствомъ... Боже! какъ хороша, какъ свята жизнь,—и какъ надо огрубѣть сердцемъ, ожесточиться душой, чтобы не видѣть этого, не чувствовать!..

Наступаетъ Рождественскій постъ. О. Завѣдующій привезъ намъ новые книжки изъ Ольгопольскаго Отдѣленія. Много книгъ! Хватить читать до Пасхи!..

Всѣ просятъ выдавать книжки на домъ для чтенія. Завелъ особую тетрадь—и выдаю... Прошу только завертывать книжки въ бумагу и не пачкать ихъ... Многія книжки путешествуютъ по всему селу, вездѣ вызывая восторгъ и молитвенно-благоговѣйное настроеніе... Надобно глубже всмотрѣться въ души моихъ друзей—Анютинцевъ, чтобы понять: почему имъ нравится именно та, а не другая книжка... Вопросъ, по моему, весьма не маловажный...

Сегодня начали учить „коляды“. На „коляды“ въ старостину избу собирается почти вся деревня. Изучаемъ коляду: „Идетъ звѣзда чудна“... Особенно нравится всѣмъ коляда: „Я умомъ ходила въ городъ Виолеемъ“... Разучили также тропарь и кондакъ Рождества Христового...

Пробую разнообразить чтеніе. Выбралъ книжку „Полеводство“ и читаю крестьянамъ. Слушаютъ съ меньшимъ вниманіемъ, и то и дѣло прерываютъ

меня замѣчаніями, что, дескать, это лучше вотъ этакъ сдѣлать... Я—профанъ въ хозяйствѣ и не возражаю, но чувствую, что крестьяне отчасти правы: каждая мѣстность, если не каждая крестьянская полоска, имѣетъ свои почвенныя и другія особенности, а съ ними необходимо серьезно считаться... Въ общемъ—соглашаются, что „по книжкѣ“ хлѣбъ выходитъ много лучше...

— Вотъ теперича Запортовичъ,—поясняетъ одинъ изъ крестьянъ:—онъ „смотритъ“ въ книгу,—и хлѣбъ у него получше нашего... Много вѣдь въ нее, въ книжку-то, ума вложено... Ну, и не даромъ, значить... Смекай, вычисляй,—да все съ молитвой,—вотъ и поправишься...

Пропѣли молитву и разошлись...

Еще недѣля до распуска на Рождественскія каникулы. Я каждый день говорю ученикамъ, какъ они должны вести себя во время праздниковъ. Обѣщаютъ быть „примѣрными“... Вотъ и суббота—последній день занятій въ 1902 г. Теперь я задаю имъ уроки на праздники и прошу ихъ вести себя по христіански, и другихъ удерживать отъ худыхъ поступковъ. Между прочимъ, предложилъ имъ не тратить выколядованныя деньги, а прибечечь ихъ на выписку „Русскаго Чтенія“, о которомъ я много разъ имъ упоминалъ... Я уѣзжаю домой. Школу наглухо закрылъ. Будетъ, бѣдная, безмолвствовать пѣлыхъ двѣ недѣли...

Вотъ и праздникъ Рождества Христова... Я стою межъ народомъ и вслушиваюсь въ праздничныя пѣснопѣнія, возгласы и молитвословія... Хорошо на душѣ, отрадно... Одна мысль тревожитъ меня: „гдѣ-то теперь мои малыши? въ церкви ли?“...

Богослуженіе окончилось. Придя домой, я поздравилъ родныхъ съ праздникомъ и прилегъ отдохнуть. Взгруст-

нулось мнѣ по оставленной школѣ, и я твердо рѣшилъ завтра-же навѣстить своихъ малышей и порадоваться съ ними въ великій день Рождества Бога правды и любви, Бога милосердія... Но Аютинцы предупредили меня. На другой день, часовъ въ 12, къ нашему дому подкатили санки, запряженные парой сытыхъ лошадокъ. Это были лошади Аютинскаго сельскаго старосты. Съ саней соскочили два малыша и, съ важнымъ видомъ, направились въ домъ. Я радостно встрѣтилъ малютокъ и обнялъ ихъ.

— Насъ послалъ староста, дядя Аѳанасій,—начали они торжественно:—велѣлъ кланяться и поздравить съ праздникомъ... Просилъ также пріѣхать съ нами въ Аютино... И всѣ просили... Нѣтъ съ кѣмъ колядовать... Скучно безъ васъ...

Черезъ нѣсколько минутъ мы катили въ Аютино.

— Скучно безъ васъ, учитель!—сказалъ мнѣ староста, когда я поздоровался съ нимъ.—Село точно повымерло,—тошно смотрѣть...

Собрались малыши. Начались взаимныя поздравленія, пожеланія, братскія, тихія рѣчи...

Не выходя отъ старосты, мы пропѣли „коляду“, и отправились отсюда на село. Звонко разносились дѣтскіе голоса въ чистомъ морозномъ воздухѣ. Насъ сопровождала цѣлая толпа, съ восторгомъ вслушиваясь въ пѣніе своихъ дѣтишекъ... На селѣ всѣ съ радостью принимали насъ, угощая дѣтей конфетами и пирогами (деньги я запретилъ брать). Поздно вечеромъ чинно возвратились мы къ дому старосты. Здѣсь я распрощался со своими маленькими друзьями, а на слѣдующій день вновь уѣхалъ во свояси.

Вернулся я въ Аютино 8 января. Обогрѣли школу. На другой день—вся

школа въ сборѣ. Поздравляютъ съ новымъ годомъ, передаютъ содержаніе прочитанныхъ книгъ, мѣняются со мной своими праздничными впечатлѣніями... Такъ и день прошел... Что дѣлать! нельзя-же такъ сразу усадить ихъ за правильныя занятія. За каникулы вѣдь поотвыкли и излѣнились. Богъ дастъ — наверстаемъ вполслѣдствіи!..

Читаю попрежнему—каждое воскресенье. Выписалъ газету „Родина“. Крестьяне очень интересуются политикой, и газету хвалятъ. Бѣда только: многого не понимаютъ, или понимаютъ по своему, по крестьянскому. Приходится то и дѣло объяснять имъ непонятныя слова и цѣлыя выраженія... Поучительнаго, конечно, мало, но все-же, въ смыслѣ разнообразія, не бесполезно.

На своихъ чтеніяхъ я осторожно завожу рѣчь о постройкѣ новаго школьнаго зданія. Замѣтивъ сочувствіе, я сталъ говорить объ этомъ смѣлѣе и настойчивѣе. Меня поддержалъ староста и еще кое-кто...

Въ прошлое воскресенье о завѣдующій сказалъ теплое, прочувствованное слово на ту-же тему... На этотъ разъ крестьяне отнеслись сочувственнѣе, и есть надежда, что съ будущаго учебнаго года мы будемъ заниматься въ лучшихъ условіяхъ...

На третьей недѣлѣ поста было получено увѣдомленіе, что половина нужной на постройку школы суммы отпускается изъ мѣстнаго Отдѣленія Совѣта... Вѣстникомъ радости явился староста. „Наконецъ-то и наша деревня будетъ деревней“,—говорилъ онъ, довольнo потирая руки...

Завтра сходка для отвода земли подъ школу. Мѣсто хотятъ выбрать за селомъ... На другой день пріѣхалъ батюшка, и указалъ одну прелестную лужайку, вполне пригодную для на-

мѣченной цѣли. Крестьяне охотно согласились. Школа будетъ стоять на нѣкоторомъ возвышеніи, и ее будетъ видно со всѣхъ концовъ деревни... Скоро начнутъ собирать деньги на постройку школы.

Масленица. Я уѣхалъ домой на три дня. Въ первую недѣлю Великаго Поста ежедневно ходили въ церковь и говѣли. Въ пятницу мы пѣли „Да исправится молитва моя“—Бортнянскаго. Вышло очень трогательно и торжественно. Батюшка послѣ службы похвалилъ насъ и сказалъ спасибо. Малыши очень рады...

Великій Постъ подходитъ къ концу. Вотъ и Пасха. Черезъ недѣлю экзамены. Свѣтлые пасхальные дни пролетѣли незамѣтно... Завтра ѣдемъ на экзамень... Жутко... Ученики все жмутся и молчатъ... Трусятъ—должно быть... Я, какъ могу, подбадриваю ихъ... По приѣздѣ въ сосѣднюю цер.-приходскую школу, гдѣ назначены были сводные экзамены, мои малыши истово перекрестились и робко усѣлись на заднихъ скамьяхъ. Скоро стали сѣзжаться ученики и другихъ церковныхъ школъ. Всѣ они, входя въ классъ, крестились и скромно занимали свои мѣста за скамейками... Я хотѣлъ было перезнакомить всѣхъ малышей, но скоро начался экзамень, и я не успѣлъ привести въ исполненіе свою мысль... А любопытно было-бы послушать, о чемъ будутъ говорить эти „новые“ люди деревни?..

При удачныхъ отвѣтахъ своихъ питомцевъ я весь загорался восторгомъ, какъ будто кто подарилъ мнѣ цѣлое состояніе, а при неудачныхъ—терялся и краснѣлъ, какъ ракъ... Впрочемъ, то-же испытывали и другіе учителя... Очень жаль, что намъ не позволили предложить хоть по одному вопросу своимъ ученикамъ. Вѣдь большинство

неудачныхъ отвѣтовъ происходило отъ неудачно-же поставленныхъ вопросовъ. А этого такъ легко избѣжать... Но все хорошо, что хорошо кончается. Изъ шести моихъ малышей только одинъ не выдержалъ. Слава Богу! А экзамень былъ далеко не пристрастнымъ. Даже напротивъ! Особенно „рѣзалъ“ дѣтей г. докторъ, состоявшій членомъ Отдѣленія... Онъ, вѣроятно, не знаетъ крестьянскихъ неграмотныхъ дѣтей, и не можетъ судить о той перемѣнѣ, которая происходитъ въ нихъ послѣ трехлѣтняго обученія въ начальной церковной школѣ...

Завтра уѣзжаю домой. Вчера получилъ плохія вѣсти изъ дому: отецъ лишился мѣста, братъ, обучающійся во второкласной школѣ, просить денегъ за содержаніе.—„Иначе,—говорить,—придется оставить школу“... Ему даютъ маленькое пособіе, но его одного недостаточно для содержанія въ школьномъ общежитіи... Я по собственному опыту знаю, какъ много школа теряетъ отъ этихъ задержекъ въ уплатѣ содержанія... Придется держать экзамень на званіе учителя однокласной церковно-приходской школы, и проситься въ школу съ болѣе приличнымъ содержаніемъ...

На другой день собрались возлѣ школы мои малыши, пришелъ староста и многіе другіе крестьяне. Всѣ пришли проводить меня...

— Жаль намъ будетъ за вами,—говоритъ староста.—Приѣзжайте почаще,—навѣдывайтесь...

У многихъ дѣтишекъ на глазахъ—слезы. Я самъ невольно отворачиваюсь въ сторону и смахиваю слезинку...

— На зиму приѣдете?—кричатъ малыши, грустно слѣдя за моими приготовлениями къ отъѣзду.—Мы будемъ ждать васъ...

— Не знаю... можетъ быть...—отвѣ-

чаю я сквозь слезы, и больно сжимается сердце...

Лошади готовы. Я перекрестился, обнялъ старосту и всѣхъ малышей поочередно, и, рыдая, сѣлъ въ телѣгу...

— Эй, родимыя!—крикнулъ Тереха Ивановъ, мой возница.—Трогай!..

Лошади тронули—и телѣга быстро покатила по улицѣ. На поворотѣ я огля-

нулся: у школы тихо стояли мои малыши и съ грустью провожали меня милыми безцѣнными взглядами...

— „Прощайте, дѣтки!“—крикнулъ я изо всей мочи.—„Будьте счастливы... Растите на счастье и на радость всѣмъ!.. Богъ васъ благослови!“

Еще минута—и я уже за деревней...

Учитель *А. Яновичъ*.

Листки изъ дневника учителя-крестьянина ¹⁾.

11 Сентября. Сегодня я ходилъ въ г. Спасскъ.

Нынѣшній день съ ранняго утра еще былъ пасмурный, а къ полудню и совершенно разненастился: пошелъ мелкій, но спорый дождь, изрядно промочившій меня на дорогѣ къ городу. Придя въ Спасскъ, я продрогъ порядочно и зашелъ въ чайную лавку, чтобы отогрѣться за чашкою кипятка. Тамъ я сѣлъ за одинъ изъ столиковъ и, въ ожиданіи чая, сталъ отъ нечего дѣлать осматривать неприхотливую обстановку чайной и ея посѣтителей.

— „А васъ порядочно таки оросило“, слышался голосъ сзади меня. Я оглянулся и увидѣлъ прилично одѣтаго молодого человѣка довольно представительной наружности. Онъ весело улынулся и, важно подбоченясь, окинулъ съ высока взглядомъ мою мокрую и дѣйствительно не франтоватую фигуру.

— „Да,—отвѣтилъ я,—осень беретъ свои права“.

Слово-за-слово, мы разговорились и познакомились другъ съ другомъ поближе. Онъ оказался изъ образованныхъ (окончившій курсъ гимназіи, если вѣрить его словамъ, но еще не нашедшій себѣ подходящаго мѣста). Новый знакомый долго разспраши-

валъ меня объ учительской жизни. Наконецъ, вопросъ коснулся дѣтей и школьной бібліотеки для чтенія.

— „Какія же книги находятся въ вашей бібліотекѣ?“ спросилъ онъ меня. Я, по возможности, перечислилъ.

— „Ну, ужъ что касается до книгъ „Святые мѣста и святыни на Востокѣ, въ Россіи и на Западѣ Европы“, то я бы на вашемъ мѣстѣ не сталъ и показывать дѣтямъ подобныхъ книгъ“, сказалъ мой собесѣдникъ.

— „Почему?!“ удивился я.

— „Да потому, что за чтеніемъ ихъ дѣти тратятъ бесполезно время“.

Я удивился еще болѣе, а онъ продолжалъ: „къ чему, скажите пожалуйста, навязывать дѣтямъ эти старыя, пѣтыя-перепѣтыя пѣсни? Къ чему водить дѣтей по различнымъ пустынямъ, трущобамъ, скаламъ, горамъ, лѣсамъ и пропастямъ земнымъ, знакомая ихъ съ жизнью разныхъ отшельниковъ, святошъ и постниковъ, ни дѣтямъ, ни кому не нужныхъ? Къ чему?“

Я пока молчалъ, дожидаясь, когда окончитъ свою рѣчь этотъ витія.

— „Вотъ и многимъ изъ вашихъ коллегъ я предлагалъ эти вопросы, но и до сихъ поръ не получалъ на нихъ удовлетворительнаго отвѣта“.

Въсправедливости послѣднихъ словъ

¹⁾ Продолженіе. См. съ № 8 по 43.

я усумнился и отнесся къ нимъ недоувѣрчиво.

— „Попробуйте-ка вы разрѣшите эти вопросы мнѣ?“ иронически замѣтилъ мой собесѣдникъ.

— „Извольте,—говорю я:—предлагая дѣтямъ для чтенія названныя книги, правда, школа водить ихъ по пустынямъ, трупобамъ, скаламъ, горамъ, лѣсамъ и даже, какъ вы сказали, пропастямъ земнымъ, но въ этомъ вожденіи скрывается великая цѣль нашей школы: вода дѣтей по сему длинному и извилистому пути, школа отыскиваетъ для дѣтей кратчайшій путь къ небу. А жизнь отшельниковъ святыхъ и пустынножителей дѣти изучаютъ для того, чтобы быть подражателями сей жизни, истиннѣ достойной подражанія! Сіи пустынножители и отшельники не ни кому не нужны, какъ вы изволили выразиться, но, напротивъ,—нужные и достойные подражанія, хвалы и прославленія, ибо, какъ говорить Апо-

столь: „тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущелиямъ земли“ (Евр. 11, 38).

Мой собесѣдникъ всталъ и, потряхивая недовольно головою, произнесъ: „Э-эхъ, вы! Еще учитель; не въ школь бы вамъ мѣсто“. Сказавъ это, онъ направился къ двери.

— „Ай, баринъ, не понутру тѣ это?“ замѣтилъ ему велѣдъ сидѣвшій возлѣ меня мужичокъ, слышавшій нашъ разговоръ: „не по нутру-у? Ишь ты-ы-ы? Велить читать ребятамъ не про отшельниковъ, а, навѣрно, про бездѣльниковъ. Вотъ это—ндравоченіе! А ты, какъ те звать-то?“—обратился онъ ко мнѣ: „всегда такъ-то бай: твоя правда, а онъ говорилъ такое несуразное, что глупство прямо“.

Сказавъ это, мужичокъ уткнулся въ блюдечко и началъ прихлебывать чай.

Болѣе я съ своимъ собесѣдникомъ не встрѣчался.

Учит. Е. Нуликовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОСѢВЫ И ВХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

XLIV.

Курская исторія съ дѣтской молитвой.—Отклики на нее вѣрующихъ матерей.—Дѣтская молитва въ г. Петрозаводскѣ.—Примѣръ для дѣтей.—Родители.

Въ Бозѣ почившій Митрополитъ Московскій *Сергій*, бесѣдуя однажды съ Н. на тему о *любви* (хрістіанской), съ обычною для него мудростію и вѣрностью, замѣтилъ: „бѣдная эта *любовь*: какъ-какъ ее нынѣ не треплютъ, и до того уже растрепали, что ничего отъ нея скоро не останется“.

Совершенно то же и такъ же вѣрно слѣдуетъ сказать о *свободѣ*, которую нынѣ

треплютъ еще хуже любви. Дошли до такихъ Геркулесовыхъ столбовъ, дальше которыхъ идти уже кажется некуда.

Такова печальной памяти недавняя Курская исторія. На совѣщаніи родителей и педагоговъ обсуждался вопросъ объ отмѣнѣ обязательнаго посѣщенія воспитанниками церкви и обязательной „казенной“ молитвы предъ уроками, отнимающей 20—30 м. времени, и... рѣшенъ въ пользу именно отмѣны.

Насколько нормален этот факт, уже повѣдали намъ наиболѣ чуткія и оскорбѣвшія сердца вѣрующіхъ матерей. „Я въ ужасъ пришла—писатьъ одна—отъ принятыхъ рѣшеній... Горько, больно и мучительно тяжело на душѣ. До чего дожили мы, православные люди! Не даромъ правосудный Господь посылаетъ намъ бѣдствія, вполне стоимъ мы холеры и чумы! Православные родители и учителя, во главѣ съ православнымъ священникомъ, признаютъ молитву для своихъ дѣтей „казенной“, не нужной, а можетъ быть изъ ста дѣтскихъ душъ хоть для 30—20 эта молитва оказалась бы „собственной“, т.-е. соотвѣтствующей ихъ настроенію, и повліяла бы благотворно на ихъ души. Священникъ болѣе другихъ долженъ знать, что къ молитвѣ надо *привучать и понуждать себя*. Бываетъ вѣдь такъ, что начнешь молиться съ лѣнью, почти нежеланьемъ, а потомъ, во время молитвы, почувствуешь ея сладость: куда дѣнута и сонъ и лѣнь, и оторваться не хочешь отъ молитвы... Итакъ, страшное начало (ибо подобныя постановленія заразительны, какъ всякое зло) принято на св. православной Руси;—обязательное хожденіе въ храмъ Божій и утренняя молитва въ школѣ православными родителями, учителями, во главѣ съ священникомъ, признаны вредными для православныхъ дѣтей въ г. Курскѣ и отмѣнены. Воистину, какъ будто настаютъ послѣднія времена, когда можно и должно сказать: „блаженно чрево не родившее и сосцы не питавшіе“.

Другая мать плачетъ: „это какое-то неслыханное доселѣ въ мірѣ православномъ явленіе. Ничего на это нельзя сказать иного, какъ то, что—горе намъ! Какъ видно, и въ средѣ насъ, имѣющихъ счастье принадлежать къ единой Церкви Христовой, съ тайно дѣйствующей въ ней благодатью искупленія и дара Духа Святаго, начинается уже водворяться „мерзость запустѣнія“. Поразила и даже смутила меня сте-

пень паденія нашего христіанства православно-русскаго, дошедшаго до отрицанія необходимости „казенной молитвы“ дѣтей предъ уроками, которою можно, мало по малу, вкоренить въ наше юношество сознание, что только то дѣло можетъ идти успѣшно, на которое человекъ, посредствомъ молитвы, испроситъ благословеніе свыше, вкоренить ту мысль, что надлежащее молитвенное настроеніе не дается туне, что и молитва, въ своемъ родѣ, даръ Божій, что и она составляетъ извѣстную способность души человѣческой, которую, какъ и каждую иную способность, необходимо развивать, чтобы довести ее до той силы, которая была бы въ состояніи низвести благословеніе свыше. Для учащейся молодежи эта „казенная молитва“ можетъ даже быть иногда единственною утреннею молитвою, такъ какъ, спѣша на непосильно-ранніе для юношества уроки, не каждый въ состояніи успѣть помолиться дома. Разумѣется, ученикъ и къ этой общественной молитвѣ можетъ отнестись машинально, но отъ руководителей, въ особенности отъ священника, зависитъ внушить молодому поколѣнію сознание важности этой молитвы и развитъ въ юношествѣ жажду общенія съ Богомъ. И если мы въ своемъ духовенствѣ не будемъ уже находить подобной нравственной и духовно-религіозной поддержки, то до чего же дойдемъ мы подъ вліяніемъ той вражьей силы, которая въ настоящее время съ такою яростію накинулась на насъ, чтобы съ помощью отпавшихъ отъ Церкви Христовой развратить нынѣ окончательно и самое даже юное наше поколѣніе? И дѣйствительно, что такое наша теперешняя смута общественная и государственная, смута среди даже дѣтей нашихъ, какъ не результатъ отступничества старшихъ отъ вѣры, какъ не результатъ забвенія ими молитвы, забвенія Бога—своего Творца и Отца Небеснаго, забвенія предъ Нимъ загробной отвѣтственности за малѣйшее нарушеніе

Его законъ, а въ особенности за развращеніе дѣтей своихъ“.

Такимъ образомъ, ко множеству всякихъ „свободъ“ отнынѣ прибавилась дѣтская религіозная свобода—свобода не знать никакихъ религіозныхъ обязанностей и трудовъ, безъ которыхъ невозможно никакое преемство. Удивительно одно: какъ это такіе мудрые педагоги не додумаются до свободы и родителямъ этихъ свободныхъ дѣтей—платить или не платить деньги за обученіе дѣтей у такихъ „свободныхъ“ и „культурныхъ“ людей.

Вслѣдъ за Курекой исторіей разыгралась подобная же въ Москвѣ. Здѣсь нашли, что не слѣдуетъ „принуждать“ дѣтей говѣть: помимо того, что у нихъ можетъ не случиться къ этому охоты, это еще и напрасная трата драгоцѣннаго школьнаго времени. Такъ и порѣшили это дѣло.

Рядомъ съ этими грустными фактами изувѣрно-либеральной свободоманіи, сама школьная жизнь вопіюще-отрадными проявленіями изобличала и продолжаетъ изобличать наше просвѣщенно-культурное изувѣрство. Согласно постановленія собранія учащихъ, на первой недѣлѣ Великаго поста учащіеся цер.-прих. школъ г. Петрозаводска для исполненія долга исповѣди и св. причастія говѣли всѣ вмѣстѣ за особыми службами въ Св.-Духовскомъ кафедральномъ соборѣ, гдѣ богослуженія совершались для нихъ о. уѣзднымъ наблюдателемъ (священникомъ І. С. Бронзовымъ). Сами дѣти исполняли все положенное по уставу чтеніе и пѣніе.

Чудная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, умиляющая душу картина представлялась взору наблюдающаго, при видѣ дѣтей—учениковъ, направившихся въ храмъ при первомъ, протяжномъ звукѣ церковнаго колокола для выслушанія великаго покаяннаго канона.

Въ храмѣ сумракъ. У св. иконъ мерцаютъ лампы. Дѣти выстроились у амвона и съ вниманіемъ слушаютъ чтеніе

батьюшкой „покаяннаго канона св. Андрея Критскаго“.

Глубоко западаетъ въ душу молящихся припѣвъ этого канона предъ каждымъ его стихомъ: „помилуй мя, Боже, помилуй мя“.—Это вполне естественно. Чтеніе канона, гдѣ особенно поразительно высказывается значеніе и сила грѣха, а также сила и значеніе жизни праведной, должно вливать въ душу молящихся струи тепла и свѣта духовнаго,—побуждать ихъ къ раскаянію, смиренію и молитвѣ.

Но вотъ чтеніе канона заканчивается и слышится дѣтскій голосъ, внятно и не спѣша читающій молитвы и псалмы Великаго повечерія, слышится общее подпѣваніе положенныхъ на повечеріи пѣснопѣній... Такъ идетъ вся недѣля...

Отрадно видѣть дѣтей, объединяющихся въ религіозномъ одушевленіи въ храмѣ Божиемъ.

Нельзя равнодушно отнестись къ молитвѣ дѣтской; свѣтло и легко возносится эта молитва, по отсутствію въ душѣ „малыхъ сихъ“ зла и нечистоты.—И вотъ пока душа дѣтская находится въ такомъ состояніи, не загрязнена и не опошмилась, нравственный долгъ cadaго, кому ввѣряется душа дѣтей, воспитывать, развивать и усовершенствовать въ нихъ религіозное чувство, отвѣтитъ на инстинктивное стремленіе ихъ душъ къ Богу.

Иначе разсуждать могутъ только тѣ, которые сами потеряли всякую вѣру и жажду Божию, для которыхъ и Богъ и общеніе съ Нимъ въ молитвѣ—пустые звуки. И къ сожалѣнію, такихъ родителей и воспитателей нынѣ большинство. Есть, впрочемъ, и такіе, которые, не вооружаясь въ принципъ противъ обязательности для дѣтей хрістіанскихъ обязанностей, готовы соглашаться, что школа не должна быть мѣстомъ пріученія дѣтей къ исполненію этихъ обязанностей. Это будто бы дѣло родителей и семьи. Увы! современные родители и нынѣшніе ихъ семьи въ большинствѣ слу-

чаевъ таковы, что еще менѣ школы могутъ вліять благотворно въ религіозно-нравственномъ отношеніи на своихъ питомцевъ. Если одна изъ вышеупомянутыхъ матерей, женщина очевидно вѣрующая и искренно православная, созналась, что и въ благочестивой семьѣ юноша, спѣша на уроки, не всегда въ состояніи успѣть помолиться дома,—то что же говорить о тѣхъ семьяхъ, гдѣ отвыкли вовсе придавать молитвѣ сколько нибудь важное и неотложное значеніе? Отсюда и происходитъ то, что и въ семьѣ и въ школѣ питомецъ остается безъ всякаго благотворнаго воздѣйствія на религіозныя потребности своей души и быстро, по части невѣрія и индифферентизма, вырастаетъ на цѣлую голову выше своихъ вольныхъ и невольныхъ примѣровъ и руководителей.

Сами родители въ своей жизни, въ домашнемъ строѣ, проявляютъ холодность и небрежность въ исполненіи религіозныхъ требованій, не совершаютъ открыто молитвы утромъ и вечеромъ, тяготятся посѣщеніемъ храмовъ Божіихъ въ воскресные и праздничные дни, нарушаютъ постановленія Церкви и т. п. Въ нѣкоторыхъ интеллигентныхъ семьяхъ холодность и небрежность къ религіи доходитъ до того, что никто изъ членовъ семьи въ теченіе дня ни разу не перекрестится, не произнесетъ никто ни одной молитвы; на первый взглядъ можно подумать, что такая семья не хрістіанская, а языческая. Само собою разумѣется, что и дѣти въ такой семьѣ получаютъ соответствующее религіозное настроеніе и направленіе. Въ такихъ семьяхъ нерѣдко считаютъ, что для прочнаго религіознаго воспитанія дѣтей необходимо только два-три раза въ недѣлю преподавать уроки закона Божія и почаще давать имъ назидательныя наставленія. Но на уроки закона Божія можно надѣяться только тогда, когда преподающій смотритъ на преподаваніе закона Божія, какъ на истинное слу-

женіе Богу, и относится къ нему съ благоговѣніемъ, неизбѣжно производящимъ на каждую душу впечатлѣніе своей правдивой простотой. Но какъ только преподаваніе закона Божія превращается въ обыденную будничную работу, и подѣ вліаніемъ его въ душѣ и памяти является сперва излишнее возбужденіе, а потомъ вялость и равнодушіе, — какъ только начинаютъ надѣдать дѣтямъ безконечными назидательными наставленіями, то все обученіе немедленно теряетъ истинную цѣну, истинно благодатное вліаніе на жизнь; оно болѣе вредно, чѣмъ полезно. Немногія, но искреннія и сердечныя слова всегда дѣйствительнѣе, чѣмъ длинная рѣчь безъ внутренняго умиленія. Одна искренно вѣрующая мать жаловалась разъ праведному старцу на то, что, несмотря на постоянныя убѣжденія и внушенія, она не можетъ возбудить въ своемъ сынѣ религіознаго чувства. Вотъ каковъ былъ отвѣтъ его: „вмѣсто того, чтобы постоянно говорить съ сыномъ о Богѣ, лучше говорить чаще съ Богомъ о сынѣ“.

Какъ желательно, чтобы эти простыя слова поглубже запечатлѣлись въ умѣ и сердцѣ многихъ современныхъ родителей! Пусть меньше говорятъ отцы и матери съ ребенкомъ о религіи, но пусть она проявляется во всемъ домашнемъ строѣ, во всей жизни и дѣйствіяхъ. Чѣмъ дѣти больше будутъ видѣть несомнѣнное выраженіе религіозности въ молитвахъ отца и матери и въ ихъ посѣщеніяхъ церкви, въ благоговѣніи отца предъ всѣми требованіями религіи, въ убранствѣ и внутреннемъ устройствѣ дома, — тѣмъ религіознѣе сдѣлаются сами и тѣмъ легче впоследствии найдутъ добрую почву для сѣмени божественнаго слова, сѣемаго церковью и школой. Религія—не только ученіе, но и устройство жизни, и не въ семьѣ только она должна воздѣйствовать своими уроками, но и въ школѣ, и вездѣ, гдѣ только проявляется чело-вѣческая жизнь.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Июль 1905.

Картинка съ натуры:

Въ вагонѣ третьяго класса шумливо сидятъ крестьянскія дѣтишки, человѣкъ тридцать пять-сорокъ. Съ ними ѣдетъ молодая дѣвушка,—видимо это путешествуетъ сельская школа.

— Откуда, дѣтки?

Называютъ одно подмосковное село.

— Куда же это вы путешествуете?

— Въ Москву, въ Москву! раздаются со всѣхъ сторонъ радостный отвѣтъ.

— Зачѣмъ же вы ѣдете въ Москву?

— Звѣрей смотрѣть, отвѣчаетъ бойкая дѣвочка.

— А въ Кремлѣ будете?

— Въ Кремлѣ-ѣ? протянула она вопреки, какъ будто не понимая самаго слова Кремль.

— Да, въ Кремлѣ, гдѣ соборы, въ которыхъ святыя мощи почиваютъ.

— Не знаю, отвѣтила она какъ-то стыдливо, очевидно, не зная, что сказать.

Какъ видите: это школьная „экскурсія“. Путешествуетъ земская школа. Учительница везетъ дѣтишекъ въ Москву: хочетъ показать имъ Бѣлокаменную. Но что стоитъ на первомъ планѣ у этихъ любопытныхъ (извѣстно—дѣти самый любопытный народъ) путешественниковъ?—О чемъ говорила имъ учительница, поджигая въ нихъ дѣтскую любознательность побывать въ Москвѣ? Какъ видите: прежде всего—о зоологіи, о „звѣряхъ“: „пойдемъ во Зоологическій, будемъ, дѣтки, звѣрей смотрѣть, увидите, какіе бываютъ львы, тигры, обезьяны, какъ эти обезьяны на человѣка похожи (ну какъ не познакомить дѣтишекъ съ обезьяной: учительница вѣроятно считаетъ ее себѣ сродни), какой тамъ громадный слонъ“... и т. д. Можетъ быть учительница проведетъ ихъ и въ Кремль, ибо какъ же это, бывши въ Москвѣ, не заглянуть въ „алтарь Руси Святой“: вѣдь отцы и матери дѣтишекъ спросятъ ихъ: приложились ли они къ святымъ мощамъ въ Кремлѣ? Видѣли-ли Царь-колоколь, Царь-пушку, Ивана Великаго и прочія Московскія диковинки? — Но все это *потомъ*, кстати, если время останется, а вотъ провести въ Зоологическій садъ—это необходимо, это очень „полезно“: это „развиваетъ“ дѣтей...

Бѣдныя дѣтки! Какъ уродуютъ васъ, вашу милую русскую душу! Она такъ жаждетъ всего родного, православнаго, а ее спѣшатъ засорить все только „плодами культуры“, поскорѣ познакомить съ разными „звѣрями“ да фруктами цивилизаціи... Лишь бы подальше отъ благодатныхъ источниковъ животворящихъ духовныхъ вѣяній, подальше отъ святынь, которыя способны зажечь въ дѣтской душѣ нескоропимую вѣру въ истину родныхъ заветовъ, беззавѣтную любовь къ родной Церкви, ко всему, чѣмъ крѣпка и славна наша матушка Русь Православная!

И все-то вотъ такъ, и во всей-то системѣ воспитанія наши либеральные заправилы проводятъ эти убійственные для дѣтской души „лаические“ принципы... Въ глазахъ руководителей такой школы религія считается чуть ли не предразсудкомъ уже; главное—это „развитіе“, ознакомленіе дѣтей съ „природой“, съ „звѣрями“, а когда къ тому представляется какая нибудь возможность, то и съ „политическими“ понятіями либеральнаго свойства; воспитаніе же русской души—это на второмъ планѣ.

Бѣдный Русскій народъ! Ты цѣлымъ сердцемъ жаждешь истиннаго просвѣщенія свѣтомъ Христовымъ, а тебя хотяжь обмануть копилкой лжеименнаго разума; твоя душа проситъ присноживотнаго хлѣба насущнаго, а тебѣ вмѣсто него предлагаютъ камень, ты ищешь путей Божіихъ, а тебя ведутъ на распутья и халуги политической сутолоки... И—какъ много заботятся о томъ, чтобы вытравить изъ твоего сердца то, что составляетъ его святыню, чтобы посѣять въ немъ то, что угодно имъ, безпочвеннымъ либераламъ нашимъ, чтобы приглушить въ тебѣ все то доброе, къ чему безсознательно, историческимъ инстинктомъ стремится твое сердце, и заразить его тлетворными вѣяніями всяческихъ лжеученій!..

Не безъ основаній мы говоримъ это. Не давно привелось намъ слышать отъ одного изъ почтенныхъ крестьянъ подмосковныхъ цѣлую повѣсть о томъ, какъ учительница одной школы (конечно, земской) дѣлала занавѣски изъ тѣхъ листовъ, на которыхъ изображены моменты литургіи, причѣмъ нарочито вѣшала ихъ подписями вверхъ, какъ вела она пропаганду социализма, пока сами

же крестьяне не выдали ее головой. Не давно одинъ батюшка жаловался намъ въ частной бесѣдѣ, на то, что такая же вотъ учительница, да еще съ нерусской фамиліей (есть подь Москвою и такая), выгнала его вонъ изъ школы, когда онъ сталъ протестовать противъ плясокъ на елкѣ, и предложилъ ей, чтобъ она, хотя ради приличія, въ присутствіи дѣтей не называла его просто какъ мірскаго, только по имени и отчеству, ибо это соблазняетъ дѣтей, привыкшихъ звать его *батюшкой*; а еще одинъ батюшка рассказывалъ, какъ ему привелось вести пѣлюю войну съ учительницей за то, чтобъ дѣтямъ было разрѣшено, — да, только *разрѣшено* — учиться у него церковному пѣнію... Подобный случай былъ и во Владимірскомъ уѣздѣ: земскій учитель не допускалъ дѣлать въ земской школѣ спѣвокъ,

пока наконецъ, крестьяне, выведенные изъ терпѣнія, не устроили ему враждебной демонстраціи, требуя, чтобъ въ *ихъ* школѣ не препятствовали обучать *ихъ* дѣтей церковному пѣнію... Да мало ли такихъ случаевъ? А когда доводить о нихъ до свѣдѣнія власть имущихъ, то ихъ просто стараются по возможности замаять, затереть, лишь бы не вышло явнаго скандала. А припомните, прочтите въ газетахъ, какую войну подняли извѣстные дѣятели либералы противъ говѣнія дѣтей въ московскихъ городскихъ школахъ! Не будемъ себя успокаивать: противъ Церкви и ея школы открытъ явный походъ и война ведется успешно. Но унывать ли? Съ нами Богъ и за насъ Его святая правда и весь Русскій православный народъ...

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Вышли новыя брошюры:

Тревоги нашихъ дней

и

НАДЕЖДА НА БОГА.

Внѣбогослужебная беседа ВЛАДИМИРА Митрополита Московскаго.

Цѣна 5 к., съ перес. 7 к.

ЧТО НАМЪ

НУЖНѢ ВСЕГО.

Бесѣда Троицкаго инокъ,

Епископа Нікона,

Цѣна 10 к., съ перес. 15 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Ложный стыдъ, какъ причина умственнаго и матеріальнаго оскудѣнія. *Свящ. Иоанна Молебнова.* — Изъ учительскихъ дневниковъ. На скромномъ поприщѣ. (Замѣтки и впечатлѣнія учителя церковно-приходской школы). *Учителя А. Яновича* — Листки изъ дневника учителя-крестьянина. *Учит. Е. Куликова.* — Посѣвы и всходы. (Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ). — Нашъ дневникъ. — Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Зернышки Божіей Нивы“, книжка 32-я (двѣ статьи).

Редакторъ Епископъ НИКОНЪ.

Печатать дозволяется. Визанія. Іюля 24 дня, 1905 года. Цензоръ, Ректоръ Визанской Духовной Семинаріи, Протоіерей А. *Вьялевъ.*

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.
За перемѣну адреса 25 коп.

Подписная цѣна на журналъ 1 р. съ перес.; выходитъ ежемѣсячно.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію „Божіей Нивы“.